

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертационную работу

Наталии Валерьевны Аксеновой

«Английский мир в творческой системе Е.И. Замятина»,

представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература

Исследование Наталии Валерьевны Аксеновой вписывается во все возрастающий в современной гуманитарной науке интерес к межкультурной коммуникации, что подтверждается интенсивностью развития имагологии – науки, занимающейся изучением образа «чужого» (страны / народа / культуры) в общественном, культурном и литературном сознании той или иной страны / эпохи. Этим обусловлена **актуальность** рецензируемой работы. Кроме того, последние годы наблюдается актуализация внимания отечественного литературоведения к творчеству Е.И. Замятина в аспекте проблемы «Замятин и Англия», что убедительно показано в библиографическом разделе диссертационного сочинения. Таким образом, оно встраивается в активно разрабатываемые области современного замятиноведения. Несомненна **научная новизна** диссертационного исследования Н.В. Аксеновой, заключающаяся в изучении динамики восприятия писателем образа Англии и «английского мифа», прослеживающейся на корпусе текстов различной жанровой природы: публицистических, прозаических, драматургических. Внутри проблемы «Замятин и Англия», где существует обширный круг работ, диссертантке удалось найти свой собственный исследовательский ход: английский мир писателя впервые проанализирован как изменяющаяся система, «трансформирующаяся от мифа о «чужом» – через миф об «ином, другом» – к представлению об Англии как части единого европейского мира» (с. 25), в направлении к которому, по его мнению, должна двигаться и Россия. Введение Н.В. Аксеновой в круг исследования собственных переводов английских работ по творчеству Замятина повышает как **новизну**, так и **актуальность** диссертационного сочинения.

Исследование построено с опорой на **методологическую основу**, соединяющую в себе труды сравнительно-исторического и имагологического направлений (А.Н. Веселовский, В.М. Жирмунский, Ю.Д. Левин, М.Ф. Гияр, Х. Дизеринк, Д. Пажо), культурологического (Г.Д. Гачев, В.П. Шестаков и др.) и структурно-семиотического методов исследования (Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров и др.). В области русско-английских литературных связей базовыми для Н.В. Аксеновой стали исследования М.П. Алексеева, Н.А. Ерофеева, Э.М. Жиликовой, О.А. Казниной, Н.С. Гавриловой, И.А. Матвеевко, Л.С. Прохоровой. Среди исследований творчества Замятина – работы ведущих

специалистов: И.О. Шайтанова, Л. Геллера, А.Ю. Галушкина, Л.В. Поляковой, А. Гилднер, М.Ю. Любимовой, Е.Б. Скороспеловой, Н.Н. Комлик, С.Ю. Воробьевой, Н.Ю. Желтовой, М.А. Хатямовой и др. Анализ «английских» произведений Замятина проведен с учетом уже имеющихся результатов исследований в работах А.М. Шейна, Л. Шеффлер, А. Майерса, Р. Гольдта, О.А. Казниной, Т.Т. Давыдовой, А.С. Сваровской, И.М. Поповой, В.И. Копельник, Л.В. Воробьевой и др.

Структура диссертационного сочинения отражает развертывание исследовательского сюжета, лежащего в основе научной концепции. Работа состоит из введения с убедительным обоснованием темы, цели и поставленных задач, формулировкой положений, выносимых на защиту, трех глав, заключения и списка использованной литературы. Содержание исследования подтверждает верность принципам классической школы филологии и отмечено корректностью научного изложения, доказательностью и логичностью выводов.

Любопытным оказалось проследить динамику самого научного интереса диссертантки к выбранному материалу, что отражено в меняющихся способах анализа. В исследованиях эпистолярия и записных книжек Замятина английского периода преобладает стиль комментирования, путем которого показан процесс усвоения писателем английского образа жизни, его сложный путь адаптации внутри английского мира и «английского мифа». В ходе анализа публицистики, созданной уже по возвращении Замятина на родину, при том, что, по мысли Н.В. Аксеновой, каждая его статья «становится новым высказыванием ... о творчестве, и вместе они составляют некое автометаописательное единство», в научный дискурс включаются разные исследовательские приемы. Например, в анализе цикла статей об Уэллсе доминирует описательность, лишь с эпизодическим обращением к поэтике замятинского публицистического языка. Этот раздел, как и предыдущий, органично вписывается в традицию восприятия Англии русскими писателями-публицистами еще начиная с 19 в., где все большую отмеченность приобретает потеря человеком индивидуальности, о чем, в частности, писал А.И. Гончаров во «Фрегате «Паллада»: «Все бы это было очень хорошо, то есть эта практичность, но, к сожалению, тут есть своя неприятная сторона: не только общественная деятельность, но и вся жизнь всех и каждого сложилась и действует очень практически, как машина». Викторианская эпоха лишь усиливает эти тенденции, чем деформируется утопический «островной» сюжет, являющийся значимой частью архетипического «английского мифа». Таким образом, восприятие Англии в исторической перспективе все больше смещается из утопического плана, в котором сильны черты идиллии (загадочный Альбион, в семантике имени которого скрыта не только его туманность, но и белизна: от лат. *albus*- в самом белом цвете есть символический призыв к чистоте) в сферу ключевого

для XX века философского сюжета «Заката Европы», сформировавшегося под пером О. Шпенглера как раз к 20-м гг. XX века, т.е. в непосредственной близости к тому времени, когда писались статьи Замятина об Уэллсе и кристаллизовался замысел его главных произведений. Необозначенность данного контекста в работе Н.В. Аксеновой, о чем, в частности свидетельствует отсутствие имени Шпенглера в библиографическом списке диссертации, на наш взгляд, обуживает границы исследования.

Сильной же стороной этого раздела является анализ рецепции творчества Уэллса в плане формирования художественного языка самого Замятина: «Именно осмысление художественных поисков Г. Уэллса, - пишет Н.В. Аксенова, - станет одним из источников замятинской концепции синтетизма» (автореф. с 9), также, как и у английского автора, соединившего в себе «технический, научный, религиозный и социальный миф» (там же). Вывод данной части диссертационного сочинения: «Творчество выдающегося английского писателя становится не только объектом рецепции как инокультурный феномен, но и материалом для авторской эстетической рефлексии», - получит дальнейшее развитие при анализе повести «Островитяне», рассказа «Ловец человеков», пьесы «Блоха».

В отличие от рассмотрения уэллсовского публицистического корпуса Замятина, исследовательский подход к его очерку о Шеридане в большей степени основан на анализе поэтики: «Автор пересказывает судьбу своего героя, имитируя структуру авантюрного романа, и достигает эффекта раздвоения внимания: читатель вынужден следить за событиями жизни Шеридана и формой их изложения» (автореф. с. 11). Данная перемена, на наш взгляд, вполне оправдана и объясняется тем, что, по верному мнению диссертантки, «Шеридан для Замятина, несомненно, близкий по творческой генетике тип художника, наделенный, во-первых, даром неповторимого остроумия и острословия, во-вторых, способностью создавать драматургические шедевры» (с. 65). Эта генетическая творческая близость убедительно показана Н.В. Аксеновой. Ею отмечена такая важная черта публицистического дискурса Замятина, как осмысление событий жизни писателя «с точки зрения законов эстетической реальности»: «Художник живет одновременно и в реальности литературы, поэтому наиболее интересным приемом, используемом в последнем очерке Замятина, является игра с реальностями «жизни» и «текста». Как и в других своих произведениях 1920-х годов (романе «Мы», драме «Блоха», рассказах «Икс», «Десятиминутная драма»), автор, осознающий условность границ между реальностью жизни и творческой реальностью, находит судьбе своего героя текстовый эквивалент – сопоставляет этапы жизни Шеридана с главами авантюрного романа» (с. 68). В художественном творчестве Замятина восприятие ирландского характера Шеридана, с его «еретическим» свободолобием, окажет влияние на создание образа ирландца О'Келли, героя

«Островитян». В целом в первой главе диссертационного сочинения доказательно проводится положение о претекстовом значении эпистолярной и публицистики Замятина по отношению к его прозаическим произведениям на английскую тему. Владение же различными способами литературоведческого анализа является несомненным достоинством работы.

Анализ повести «Островитяне» и рассказа «Ловец человеков» заостряет круг проблем, поставленных в предыдущей главе, создавая диалогические отношения между данными разделами диссертации. В центре внимания – особенности сюжета и поэтика персонажей «Островитян» и «Ловца человеков», где предметом исследования становится английский национальный характер, рассмотренный через систему ценностей викторианской эпохи с лежащим в ее основе культом семьи. Характеристика персонажей «Островитян» основана на делении их на две основные группы: последователей традиционного английского порядка и его нарушителей, в связи с чем сделано важное наблюдение: персонажи первой группы предельно серьезны, что придает им свойство безжизненности, «футлярности», тогда как персонажи второй – своего рода мятежники, восстающие на сложившийся английский миропорядок – ироничны, легки. Это деление дополняет, но одновременно и варьирует уже сложившуюся в исследованиях «Островитян» классификацию, где выделены такие категории персонажей, как «подвижные» и «неподвижные» («моно-мир» и «поли-мир» в определениях С.Ю. Воробьевой). Так, миссис Дьюли, относящаяся к «подвижным» персонажам, совершенно лишена иронии, как и мистер Кембл. Своеобразие авторской поэтики, по мнению Н.В. Аксеновой, состоит в том, что авторская ирония адресована главным образом первой группе, основным представителем которой является викарий Дьюли, тогда как вторая группа вызывает у писателя внутреннее созвучие. Однако есть целый комплекс мотивов, свидетельствующий о том, что отношение Замятина ко второй группе также неоднозначно. Если для викария Дьюли главной чертой является лицемерие и фарисейство, то ирония и юмор О'Келли – ключевой фигуры из второй группы персонажей – граничат с цинизмом. Хотелось бы отметить большую отчетливость в определении Н.В. Аксеновой авторской позиции по отношению к О'Келли, в сравнении с тем (определением), которое существует в исследованиях повести (работы С.Ю. Воробьевой, Т.Т. Давыдовой). По мнению диссертантки, представляющемуся нам верным, логика развития образа персонажа, в котором сильны черты змея-искусителя, не дает оснований к тому, чтобы видеть в нем проводника авторской системы ценностей, которая все же остается не до конца обозначенной в рецензируемой работе. Несомненно, можно усмотреть некую долю неопределенности в оценке Замятиным своих героев. Но трагический финал «Островитян», заканчивающихся гибелью О'Келли и Кэмбла – персонажей из полярных «лагерей» – словно уравнивает обе системы ценностей в их удаленности от жизненного идеала.

Ядром критического отношения Замятина к изображенному в «Островитянах» миру является его мертворожденность, символизированная отсутствием в нем детей, а цинизм последователей Дьюли маркирован их согласием на увеличение дохода от приходского журнала продаж «резиновых изделий», в прочности которых поручился викарий, тем самым заложив ген смерти в основу своего «завета». В этом плане мир «Ловца человеков», кажется, контрапунктно ориентирован на торжество жизни, символизированное обилием в городе детских колясок. Однако семья Краггсов, являющихся сюжетным центром рассказа, также бездетна, что усложняет проблематику произведения. Лейтмотивная связанность мотива бездетности с романом «Мы» (на отсутствие детских образов в романе уже не раз обращалось внимание замятиноведов) может быть важна для исследования Н.В. Аксеновой тем, что не только выводит данный мотив за рамки английского мира Замятина, но и более отчетливо выявляет антиутопическую модальность самой диалогии. Наличие в диссертации данного наблюдения могло бы усилить положение о претекстовой функции «Островитян» и «Ловца человеков» по отношению к роману «Мы».

Подробно и интересно проанализирован Н.В. Аксеновой мир персонажей рассказа «Ловец человеков», показанный через поэтику детали и подсвеченный разными гранями английской традиционной культуры. Небольшое по объему произведение предстает семантически насыщенным, плотным текстом, дополняющим смысл «Островитян» по принципу притяжения / отталкивания, где ведущим является способ минус-приема в проведении идеи торжества живой жизни. Действительно, в «Островитянах» силен апофатический пафос отрицания наличествующей рационализированной реальности, тогда как в «Ловце человеков» - катафатически-утверждающий, казалось бы, превращающий повествование в «оду радости» - миру, солнцу, городу, пейзаж которого почти не искажают технократические фрагменты, поскольку и сквозь них просвечивает природное начало, что передано авторской метафорикой: «кружево затонувших башен, колыхающаяся паутина проволок, медленный хоровод на ходу дремлющих черепах-домов» и др. Военная атмосфера, в которой разворачивается действие, акцентирует незащищенность мира и человеческой жизни, что придает драматические оттенки яркому, праздничному образу английской столицы, созданному, скорее, по парижской модели. Если в «Островитянах» образ Лондона выполняет больше декоративную функцию, то в «Ловце человеков» он становится одним из центральных персонажей. Но здесь-то как раз и происходит семантический слом: значение «ловца человеков» в первую очередь адресовано городу, поскольку именно перед его манящей разгоряченной атмосферой не может устоять плоть героев рассказа, на чем строит свое сомнительное состояние главный герой Краггс, оказывающийся, таким образом, в двойной позиции, связывающей разные уровни текста — фабульный и смысловой: играя на человеческих слабостях

«ловца», Краггс одновременно попадает в еще бОльшую нравственную ловушку, чем его жертвы. Столкновение языческой стихийности с христианской системой ценностей взрывает утвердительный пафос рассказа. «Поиск более жизнеспособных основ национальной культуры, утраченных христианством» (с. 113), как это обозначено в диссертационном тексте, по сути заводит писателя в тупик. Как и в «Островитянах», художественная реальность «Ловца человеков», мир человеческих отношений оказываются далеки от идеала. Наличие подобных акцентов могло бы усилить выводы, сделанные в работе, показав диалогичность двух произведений в разных ракурсах, что придало бы бОльший объем и многогранность английскому миру Замятина.

Одной из самых интересных частей диссертационного сочинения Н.В. Аксеновой является, на наш взгляд, раздел «Символика цвета в повести «Островитяне» и рассказе «Ловец человеков». При анализе смысловой характеристики персонажей через семантику доминантного для каждого из них цвета Н.В. Аксенова глубоко исследует историю английской геральдики, значение того или иного цвета, цветовой гаммы в английской культуре, а также в христианской символике. Отметим лишь попутно, что для христианства смысловым источником часто служит Ветхий Завет. Так, золотой цвет, основной в изображении мистера Дьюли, помимо царственности и могущества, является еще и знаком сребролюбия, отсылая к библейскому «золотому тельцу», что становится в тексте эмблемой британской нации в целом.

Обращение к драматургическому жанру в пьесе «Блоха», которую на языке современной культуры можно охарактеризовать как ремейк лесковского «Левши», построенный на сценических традициях народного театра, придает жанровую объемность как английской теме, так и английскому миру в творчестве Замятина. При этом в процессе анализа пьесы Н.В. Аксеновой было важно показать поворот английской темы в автометаописательном сюжете писателя: «Лесковский сюжет Замятин использует в качестве универсальной матрицы о судьбе художника и своей собственной судьбе. Трагические обстоятельства взаимоотношений Левши с властью получают проекцию «современная власть и художник». Соблюдая сказочный канон, Халдеи оживляют Левшу в финале: еще остается надежда, что жизнь человека, художника уничтожить невозможно» (с. 158-159). Ключевое значение здесь приобретает смысловая переакцентировка, придавшая динамическому движению английской темы в творчестве Замятина семантическую завершенность. Образ «тульской Англии», соединяющей в себе два мира: русский и британский – «получает положительные коннотации страны с развитой наукой, техникой и культурой, уважающей мастера» (с. 159). По предположению Н.В. Аксеновой, «возможно, в сравнении с наступающим на родине

тоталитаризмом угрозы, исходящие от механистической западной цивилизации уже не казались Замятину столь всеобъемлющими» (с.159). Не противореча данному выводу, отметим, что главный пафос пьесы находится в противостоянии всему корпусу произведений, объединенных мыслью об «опасности, угрожающей человеку, человечеству от гипертрофированной власти машин и власти государства – все равно какого» («Мы»). Более того, в «Блохе» сделана шаржированная попытка соединения своего, природно-русского, и чужого, цивилизационно-иностранный, в чем отчетливо намечается поворот евразийского философского сюжета: возникает новый утопический «проект» - прививки цивилизованной Англии к российскому «дичку». Следующий смысловой поворот обнаруживается в «Биче Божьем», а дальше – в пьесе «Атилла», уже в «пульсирующем» контексте замятинского «скифства». И это та проблема, которая могла бы составить одну из ведущих перспектив рецензируемой работы.

Пьеса «Блоха» также дает богатый материал для ее исследования в плане межтекстового диалога, в частности, с творчеством А. Платонова – через анализ системы персонажей. «Замятин и Платонов» - не новая тема в литературоведении, но она ограничена в основном антиутопическими рамками. Однако образ замятинского Левши чрезвычайно близок к платоновскому типу «природного дурака» - человека «с умными руками и порожней головой». Причем, если у Замятина-инженера, как пишет диссертантка, акцентирована «проблема мастерства, творчества, основанного на научном знании» (с. 155), то Платонов, наоборот, все больше ценит природные дарования в своем герое-мастере. Таковы его Фома Пухов («Сокровенный человек»), Захар Павлович («Чевенгур») и множество других персонажей, противостоящих героям-демиургам. В этом платоновские герои оказываются ближе персонажу Лескова. Означенная литературоведческая интрига может составить тему не одной научной работы.

В целом рассматриваемое диссертационное сочинение представляет собой завершенное исследование, где представлены **обоснованные и достоверные научные положения** и в конце даны **выводы и намечены дальнейшие перспективы**, поле которых может быть, однако, расширено. Возникшие в процессе рецензирования попутные размышления свидетельствуют о богатом исследовательском потенциале диссертационного сочинения, вызвавшего интерес научного сотворчества. **Результаты работы были апробированы** на ряде научных семинаров и конференций и опубликованы в 9 статьях, три из которых изданы в журналах, рекомендованных ВАК. **Результаты и выводы** могут быть использованы в практике преподавания в ВУЗах при чтении курсов лекций по истории русской литературы XX в., а также задействоваться при подготовке спецкурсов и спецсеминаров по творчеству Е. Замятина и по более широкой теме, связанной с осмыслением английского мифа в русской и мировой

литературе, при проведении практических занятий, литературных факультативов в старших классах средней школы с гуманитарным уклоном, а также при разработке учебных и методических пособий, что определяет **практическую значимость** исследования. Количество и качество проделанной работы, ее стиль, изложение результатов на 192 страницах, адекватное представление текста в автореферате и статьях – все это отвечает требованиям, предъявляемым к исследованиям, представленным на соискание ученой степени кандидата наук, изложенным в пунктах 9-11 действующего Положения о присуждении ученых степеней.

Таким образом, диссертация «Английский мир в творческой системе Е.И. Замятина» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение задачи исследования мифа об Англии и выявления принципов и приемов его конструирования в творчестве Е.И. Замятина, что имеет значение для развития такой литературоведческой области, как история русской литературы XX в., а автор диссертационной работы Н.В. Аксенова заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01. – русская литература (филологические науки).

Доктор филологических наук (10.01.01 – русская литература),

ведущий научный сотрудник

сектора литературоведения

Федерального государственного бюджетного

учреждения науки «Институт филологии

Сибирского отделения РАН» (ИФЛ СО РАН),

630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8,

тел./факс: (383) 330-15-18,

e-mail: proskurina_elena@mail.ru

Елена Николаевна Проскурина

20. 04. 2015 г.

